

Эрика Блэк

СРЕДИ ВОЛКОВ

18+

INSPIRIA

Эрика Блэк

Среди волков

Серия «Ток. Преступления страсти»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69430105
Среди волков: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-189601-0

Аннотация

Мой муж – самодовольная скотина. Но он не убийца...

София Клэр считала, что в своей жизни сорвала куш. У нее было всё: красивый дом, деньги... И, самое главное – умный и привлекательный супруг Роберт, генеральный директор крупной фармацевтической компании. Но визит полицейских разбил ее розовые очки. Городок потрясла серия убийств молодых женщин, имеющих кое-что общее. Все они были любовницами Роберта.

Теперь София вынуждена пересмотреть свои взгляды на брак и жизнь. Девушка все еще верит, что муж любит ее, но знает и то, что он – лжец. В поисках правды она вникает в доступную ей информацию о ходе расследования. Тем более что количество жертв растет, а муж одной из убитых начинает преследовать саму Софию. Он уверен: именно она станет следующей жертвой. Ведь Роберт далеко не тот, кем кажется...

Хитроумный, сексуальный, захватывающий дебют, идеально подходящий для поклонников Меган Миранды.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Смерть любви	12
Глава 2. Мирная смерть	21
Глава 3. Болеутоляющее	31
Глава 4. Спасение с доставкой на дом	41
Глава 5. Старые привычки	50
Глава 6. Как я стала «миссис Клэр»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эрика Блэк

Среди волков

Меня бесит, что наши отношения он ни в грош не ставит и я для него – пустое место. Меня бесит, что сам он вообще не напрягается, а я, видите ли, должна выкладываться по полной. Романтику он

давно задвинул, а секс ему подавай. На первом месте у него телефон.

Ненавижу его за то, что работу он ставит превыше семьи. А еще за то, что изменяет мне.

Мой муж – самовлюбленный напыщенный мудака. Но он не убийца.

Erica Blaque

AMONG WOLVES

Copyright © 2022 by Erica Blaque

© Зверева А.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Брук Сэдлер лежит навзничь на полу в залитой солнцем кухне; она полностью одета, голова повернута вправо, на подтянутом теле ни ран, ни увечий. Будь она жива, пульс отдавал бы в яремную вену ее миниатюрной шеи. Трупное окоченение уже исказило некогда идеальную красоту плоти. Лицо умершей то и дело целуют вспышки фотокамер следователей и судмедэкспертов.

Квартира стильная, обставлена со вкусом. Каждая подушка – в точно выверенном месте, серебряные фоторамки отполированы до блеска. На ковре небольшой гостиной, сливаясь с белизной ворса, лениво вытягивает лапы пушистый кот. Пожилая соседка, утирая поблескивающие в утреннем свете слезы, жалобно рассказывает, как ее среди ночи разбудили голоса в коридоре и она, осторожно посмотрев в глазок, заметила выходящего из двери незнакомого мужчину. Свидетельница не уверена, видела ли она его до восхода солнца или после, зато с готовностью описывает таинственного незнакомца: густые каштановые волосы, гладко выбрит, высокий, худощавый, но не такой тощий, как некоторые люди его роста. Она сравнивает человека с молодым Томом Селлеком¹.

¹ *Том Селлек* (р. 1945) – американский актер.

Все говорит о том, что Брук умерла естественной смертью. Однако подтвердить или опровергнуть данное заявление предстоит после токсикологической экспертизы одного из найденных предметов.

Судмедэксперт утирает запястьем пот со лба. Как хорошо, что новый защитный костюм не закрывает руки полностью: по такой жаре непросто выполнять скрупулезную работу, да еще и липкими пальцами... Эксперту хочется открыть дверь или окно, освежить затхлый воздух в квартире. Но как бы он ни мечтал об утренней прохладе, во время расследования ничего менять нельзя. Судмедэксперт вставляет серебряный штырь термометра в живот Брук и прокалывает печень, чтобы измерить внутреннюю температуру тела. Каждое действие он выполняет медленно и тщательно. Знает, что этот случай точно попадет в главные новости...

Пронзительный крик заставляет забыть о духоте. Секунду спустя крик переходит в рыдания. Судмедэксперт отвлекается от тела и выглядывает из-за кухонного острова: у входной двери в объятиях полицейского воет какая-то женщина. Ее отчаянные стенания – словно пара острых когтей, царапающих пол. Так убивается мать, узнавшая о смерти ребенка. Она требует, чтобы ей показали ее дочку, она отказывается верить в случившееся, пока не увидит собственными глазами.

Бросив взгляд на следователя по уголовным делам, которой явно не терпится услышать его первичное заключение,

судмедэксперт возвращается к своей работе. Следовательно предстоит общение с прессой и – что не менее важно – отчет перед начальством. Дип-Ривер – городок небольшой, и одна такая смерть, может, и прошла бы незамеченной. Но две подряд при схожих обстоятельствах?.. Новость точно прогремит на всю страну.

Судмедэксперт осматривает лежащие на белой мраморной стойке предметы. Он уже видел подобный набор, из чего делает заключение: Брук убили тем же способом, что и предыдущую жертву. В доме Меган Колдуэлл была ровно та же картина: никаких следов борьбы, все вещи на своих местах, тело без внешних повреждений так же лежало на кухонном полу, а широко раскрытые глаза в недоумении глядели на то, как мир вокруг медленно погружался в небытие.

Судмедэксперт работает давно, но к виду смерти так и не привык. В один миг человека покидает жизнь, оставляя после себя органическую оболочку, которая немедленно начинает разлагаться, возвращаясь обратно в чрево земли, – эта метаморфоза всегда вызывала в нем ощущение неизбежности.

Из-за входной двери доносятся завывания безутешной матери. Судмедэксперт пристально смотрит на умершую, раздумывая о том, что успела Брук за свою недолгую жизнь и чего ей никогда не суждено испытать. Первые шаги, первая любовь, годами накапливаемые знания и приложенные усилия – все в одночасье потеряло смысл.

Взгляд падает на белую кружку с изображением головы рычащей пумы малинового цвета – талисмана женской баскетбольной команды Вашингтонского университета. Странное чувство: студентка купила ее на память, а теперь из нее же отравлена...

– Осмотри кота, – не сводя глаз с кружки, хриплым голосом командует судмедэксперт неуклюжему молодому помощнику.

Ассистент подходит к пушистому белому комку, который нежится в лучах солнца на полу гостиной, и, нагнувшись, осматривает, поднимая каждую лапу, нежно расправляя розовые подушечки. Приподняв губы животного, осматривает десны. Кот выражает недовольство, толкнув незваного гостя лапой, тем не менее позволяет заглянуть себе в пасть.

– Ничего.

– Убери его.

Ассистент подхватывает животное и тянется к ошейнику с надписью «Пушок». Кот жалобно мяукает, оповещая о своем недовольстве, но все же повинуется и позволяет себя унести.

Судмедэксперт щелкает пальцами, привлекая внимание фотографа к стоящей на белой столешнице кружке. Нужны подробные снимки. Стараясь не мешать работе коллеги, мужчина изучает аромат и внешний вид чая – жидкости, ставшей причиной смерти Брук.

Присев около убитой, он вновь глядит на ее прекрасное

лицо: шелковистые каштановые волосы ниспадают на кофельный пол, несколько прядей прилипли к сухим, потрескавшимся губам. Ему интересно, кто смог войти в ее дом незамеченным.

– Дэвид? – тихо окликает следователь, сидящая на высоком табурете у противоположной стороны кухонного острова.

Она не может больше ждать. Судмедэксперт поднимает голову, встречаясь с ней взглядом.

– Что, Круз?

Выражение лица девушки не нуждается в дополнительных пояснениях. Ей нужны ответы. Хотя бы первичные заключения судебно-медицинской экспертизы.

Дэвид кивает в сторону столешницы:

– Та кружка.

– Вот черт! – шипит следователь, переводя взгляд на логотип «Вашингтонские пумы». Делает вдох, затем медленно выдыхает.

Поняв, что она нервничает, судмед заверяет:

– Для тебя, милашка, как всегда, сделаю отчет побыстрее.

Обычно Круз обижается на «милашку», но Дэвид называет «милашками» всех подряд, даже мужчин. В его исполнении это просто ласковое выражение без подтекста.

– И все же действовать надо строго по уставу. Мы оба знаем, что дело будут рассматривать едва ли не под микроскопом.

Круз только стонет в ответ. Именно поэтому отчет нужен ей как можно скорее. Она уходит обратно в угол: собранные в хвост длинные черные волосы ритмично покачиваются при каждом шаге.

В кармане ее костюма вибрирует мобильный телефон, на экране которого высвечивается фотография Трента Валлетты, ее напарника.

– Слушаю!

– То же самое? – спрашивает он по-испански.

– Да.

Долгий и громкий выдох на другом конце в точности иллюстрирует ее состояние.

– Увидимся позже? – Это вопрос и утверждение одновременно.

– Да.

Продолжая наблюдать за действиями коллег, словно охотник, высматривающий добычу, Круз размышляет, сопоставляя факты и нащупывая связи между невидимыми точками.

«Пятьдесят четыре процента женщин убиты кем-то, кого они знали», – всплывает в мозгу известная истина.

Перед следствием два неоспоримых аргумента: ни насильственного проникновения, ни видимых следов борьбы.

Брук знала убийцу.

Осталось найти таинственного незнакомца, которого видела соседка.

Глава 1. Смерть любви

Когда умирает любовь? Может, когда кто-то из пары больше не старается ради отношений? Или же один из двоих прекращает всякие попытки, когда проходит влюбленность? Уверена, Роб меня очень любит. Любит лицо и тело, всепрощение и способность подстроиться под любую компанию. Что и говорить, я прекрасно вписываюсь в жизнь такого человека, как он.

В своих любимых черных легинсах и черном, утащенном у мужа свитере я дефилирую мимо его кабинета. Останавливаюсь на мгновение, чтобы взглянуть, как Роб что-то пишет. Его пальцы порхают над клавиатурой. Голубоватое свечение от двух экранов падает на твердую, накачанную грудь. Делаю глоток чая, наблюдая, как муж, формулируя очередную мысль, покачивает под столом огромными ступнями. Заметив меня, он поворачивает голову и дарит любящую улыбку.

– Почти закончил.

То же самое он говорил тридцать минут назад. Похоже, спать я пойду в одиночестве.

Когда мы только начали встречаться, то занимались любовью несколько раз в день. Меня пьянили его запах, его дыхание. Мы не вылезали из постели, не могли насытиться друг другом. Если он не в командировке, мы до сих пор занимаемся любовью несколько раз в неделю, однако уже не так,

как прежде. Он совершает те же движения, по тому же сценарию, но словно делает это не со мной.

Перед тем как уйти и поставить пустую чашку в раковину, я вижу, как Роб проверяет телефон и чему-то улыбается. Кто ему написал? Что там?

Я ловила мужа на измене трижды. С поличным. И каждый раз его накрывало чувство вины.

Первый раз я застала его с женщиной по имени Рада. Она работала в принадлежащей Робу фармацевтической исследовательской компании «Анекса». Фамилии Рады не знаю, но радости эта силиконовая кукла уж точно ни хрена не принесла, во всяком случае мне. Она отправила мужу свое обнаженное фото, которое, вместе с их фривольной перепиской, на общем «Айпэде» получила и я. Разговор был примерно такой:

Рада: (Фото: она голая стоит перед зеркалом – силиконовый бюст, искусственный загар, фальшивый блонд, накладные ногти, полное отсутствие лобковых волос)

Роб: Ах ты ж!.. (череда тупых смайликов на ваше усмотрение)

Рада: Вечером занят? Я соскучилась...

Роб: Абсолютно свободен. Где и когда?

Рада: Давай опять у меня. В 9?

Роб: Пока, киска, увидимся!

Этот короткий диалог я прочитала, сидя на кухне. Сказать, что он меня потряс, – ничего не сказать. Он разрушил мой мир до основания. Никогда не забуду, как замедлилось время: меня затрясло и чуть не вывернуло наружу, сердце рвалось из груди.

Вот же глупость: оказывается, я та самая обманутая жена. Специалист с высшим образованием, уволившийся с престижной работы, чтобы посвятить себя дому и материнству. Я думала, успешный муж позаботится обо мне и будущих детях...

Но больше чем его я ненавидела себя. За то, что допустила такую ситуацию. Раньше я не понимала жен, которые говорили, что ни о чем не догадывались. Я считала, что у нас все хорошо: в семье царят счастье и любовь, в постели – блаженство. Думала, о таком можно только мечтать... Как же я заблуждалась!

Уже не помню, какую виртуозную ложь придумал Роб. Вошел на кухню и начал сочинять что-то про срочный вызов на работу в новый, недостроенный корпус. Я потребовала объяснений, рыдала, швыряла вещи. В ту ночь я впервые наорала на мужа.

И что он ответил? То, что отвечают они все: попросил прощения и пообещал, что это никогда не повторится.

...Осторожно ставлю чашку в раковину и возвращаюсь в кабинет, чтобы поцеловать мужа на ночь. Он по-прежнему сидит за огромным деревянным столом и, прежде чем я подхожу, быстро переворачивает телефон экраном вниз. Подойдя сзади, я сжимаю ладонями его мускулистые плечи, наклоняюсь и целую колючую щеку, потемневшую от едва пробивающейся щетины.

– Люблю, – шепчет он. Его британский акцент до сих пор действует на меня чарующим образом. – Спокойной ночи, – говорит муж, не отрывая глаз от монитора, где написал уже несколько сотен слов.

На другом экране – новости, демонстрирующие общенациональные протесты и беспорядки. На одном из видео недовольные правительством американцы маршируют по улицам Сиэтла, хором скандируя один и тот же лозунг. В последнее время протесты нарастают стремительно, даже здесь, в таком консервативном городке, как Дип-Ривер.

Я ухожу, плотнее кутаясь в огромный свитер. Обернувшись, вижу, что муж бессовестно тянется к телефону. Как же тошно и гадко от его лицемерия!

Второй раз Роб попался на конференции в Майами, куда я прилетела, чтобы сделать ему сюрприз. Однако сюрприз ждал *меня*, когда я застала его внутри двадцатилетней «инста-дивы»². Эта мало чем отличалась от предыдущей: фаль-

² Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей *Instagram* и *Facebook*, принадлежащих компании *Meta Platforms Inc.*, была признана Твер-

шивое все, что можно, и осиная талия. Не помню ни ее лица, ни выражения его физиономии. Только одно врезалось в память: броские блестящие туфли на оседлавшей моего мужа дешевке. Тогда меня больше оскорбил его выбор: вот же я – Джеки, мать ее, Кеннеди³, – а он предпочитает каких-то подражательниц Мэрилин Монро...

Роб догнал меня уже в аэропорту Майами и вновь пообещал, что «это в последний раз». Даже всплакнул. И так, знаете, правдоподобно: «София, не знаю, что на меня нашло! Прости! Пожалуйста, прости! Если ты меня бросишь, я умру!»

Умыв лицо и почистив зубы, раздеваюсь догола и ныряю в заранее нагретую постель. Натягиваю до ушей толстое одеяло – приятное тепло медленно обволакивает кожу. За окном безлунная чернота. Сквозь тьму в спальню просачивается лишь мягкий свет из кабинета Роба. Я тянусь к смартфону и открываю «Фейсбук». Нежась под теплым одеялом, пролистываю ленту: в изобилии новостных статей с фотографиями уличных протестов попадают и радостные новости. Вот улыбающаяся женщина стоит животом к животу со своим лысеющим мужем, оба держат перед камерой снимок УЗИ. Мы с ней встречались на благотворительных обедах, поэто-

ским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

³ *Жаклин Кеннеди* (1929–1994) – жена президента США Дж. Кеннеди, первая леди США с 1961 по 1963 г. Известна как законодательница моды, красоты и изящества в Америке и Европе. Много сделала для искусства и сохранения исторической архитектуры. Работала редактором и корреспондентом.

му я знаю, что беременность у нее не первая и дети у них с мужем уже есть. Жгучая зависть вползает в мою душу.

Я мечтала стать матерью. Мечтала о большой семье. Представляя будущую жизнь, мы с мужем всегда подразумевали, что у нас будут дети.

Единственный ребенок в обеспеченной знатной семье, Роб провел детство в престижном лондонском Челси. Он рос, не зная ни в чем отказа, и сейчас живет на широкую ногу. Оглядываясь назад, понимаю, что о детях он говорил как о каком-то неизбежном этапе, через который всем приходится проходить. Он никогда не разделял моего энтузиазма по поводу детей. Ему лишь бы похвастать перед друзьями фотографией маленького Роберта Чарльза Клэра II, и не более того. Я же готовилась воспитывать, любить и учить нашего будущего ребенка. Хотела вырастить умного, заботливого и доброго человека.

В итоге ни Роберта Чарльза Клэра II, ни других детей у нас не получилось. После года безуспешных попыток мы прошли обследование. Обнаружилось, что муж бесплоден из-за хронической формы венерического заболевания. Да, меня он тоже заразил. Мы вылечились, и все бы ничего, но детей от мужа я иметь не могу. На усыновление он не пойдет: вся его семья против, да и я не в восторге от идеи взять на воспитание чужого ребенка.

Так что я ударилась в благотворительную деятельность. Помогала собирать средства сразу для нескольких организа-

ций: на исследования рака, борьбу за права человека и еду голодающим. Я привлекла больше денег, чем многие зарабатывают за жизнь. Кроме того, я дважды реконструировала наш дом, потому что уход с работы не погасил во мне желание реализовать потенциал руководителя проектов.

...Положив телефон на стоящую на прикроватной тумбочке док-станцию, вытаскиваю ногу из-под тяжелого пухового одеяла. Почти засыпаю, как вдруг в сон, прерывая желанный отдых, проникает беспокойство. Помимо забот о муже, меня постоянно накрывает тревога за младшую сестру.

Вот и сейчас в голову лезут мысли о Кэссиди. Она вечно влипает в истории. Ей всегда нужна поддержка, особенно после разрыва с ее последним обормотом. Ей на удивление «везет» на неудачников, большинство из которых безработные или социопаты с нездоровыми наклонностями. Один из них, Анджело, избил ее до полусмерти и отправил в больницу. Мама с папой оплатили лечение и забрали Кэссиди к себе, но с тех пор, как они погибли под колесами пьяного водителя, выручать сестренку из бесконечных передраг – моя забота.

Наконец долгожданный сон побеждает тревогу. Я улываю по реке забвения, которого так жажду, как вдруг в спальню врывается пронзительный вой сирены. Визг охранной сигнализации разрывает барабанные перепонки, отражаясь от стен. В комнату вбегает Роб и щелкает выключателем. Он что-то кричит, но сквозь визг сирены не слышно ни слова.

Муж подсакивает ко мне, закутывает в пуховое одеяло и, подхватив на руки, выносит из спальни.

Я кричу:

– Что случилось?

Сигнализация орет, не переставая. Роб резко останавливается, ставит меня на ноги, толкает в кабинет и кричит в ухо, чтобы я заперлась внутри. Затем выбегает из комнаты, а я запираю дверь на замок.

Через несколько секунд вой стихает. В ушах остается странный звон. Поплотнее закутавшись в одеяло, стоя босыми ступнями на холодном деревянном полу, я смотрю на дверную ручку, ожидая услышать Роба. Время почти не движется. Снаружи ни звука.

Я словно приросла к полу. Бешеный стук сердца соперничает со звоном в ушах.

Надо позвать на помощь, но, увы: кроме компьютера, пароль от которого мне неизвестен, ничего подходящего нет. Подхожу к столу, надеясь найти смартфон Роба и набрать экстренный вызов без кода. Среди прочих вещей обнаруживаю булавку. Она выполнена в виде треугольно-закрученной серебряной линии, которую вертикально пересекает символ бесконечности.

Я тянусь за ней, спотыкаюсь о край сбившегося у ног одеяла. Восстановив равновесие, поднимаю голову и вижу, как кто-то таращится на меня. Через стекло. Но как только я, замерев, упираюсь взглядом в незнакомые глаза, видение ис-

чезает.

– Роб! – Я бросаюсь к двери, быстро открываю ее и, оглянувшись на окно, падаю в объятия мужа.

– Что такое? – взволнованно спрашивает он, бережно прижимая меня к груди. – Что случилось, София?

– Там кто-то был! Я видела чьи-то глаза! – Не покидая уютных объятий мужа, указываю на окно.

– Я тоже его видел. Полиция уже едет.

– Кто это?

– Не знаю, любовь моя, – от волнения его британский акцент усиливается, – какой-то обнаглевший придурок...

Нас допрашивают приехавшие полицейские, осматривают имущество и записи с камер, а у меня в голове вертится только один вопрос: с чего Роб взял, что это был мужчина? Я видела только глаза, и они с таким же успехом могли принадлежать женщине. Слова мужа вызвали сомнения, потому что в прошлом он неоднократно мне лгал.

Поймав Робба на измене в третий раз, я ничего не сказала. Нет, я не застала его в постели с другой, я нашла его аккаунт на сайте свиданий для женатых. Что тут скажешь? В нашем изменчивом мире жить и так не просто; незачем воевать с тем, в ком я все же надеюсь обрести союзника.

Я все еще верю, что Роб изменится. Глупо, знаю, но что поделать? Иначе я просто сойду с ума.

Глава 2. Мирная смерть

На мне белоснежная хлопчатобумажная ночная сорочка. В такой, распустив седые волосы до талии, могла отправляться ко сну моя бабушка. Плотная ткань скрывает руки и доходит до щиколоток. Я иду босиком по крыше высокого здания. Наверху ночное небо, внизу светит тусклыми огнями город. Сильный ветер – ни теплый, ни холодный – прижимает ночную рубашку к телу.

Вот я добралась до конца крыши, пальцы ног огибают край. Легкий ветерок развеивает волосы. Правой рукой держу в кулаке висящую на шее цепочку с крестиком – он принадлежал маме. Позади меня кто-то есть: человек, чья жажда грешных злодеяний мне безошибочно знакома.

Стараясь сохранить равновесие, поворачиваюсь на пятках – и, едва встретившись взглядом с дьяволом, выпадаю из сна. Трезвонит будильник.

Эти сновидения начались сразу после новости о первом убийстве. Всякий раз лишь краткий фрагмент. Как и в любом сне, эмоции важнее происходящего. Вот и сейчас я испытываю облегчение, к которому примешивается чувство вины. Такое накатывает, когда узнаешь, что кто-то из близких опоздал на разбившийся самолет, а вокруг тебя страдают те, кому повезло меньше...

Тянусь к телефону, выключаю будильник и нежусь в по-

стели еще минуту. Невзошедшее солнце возвещает о себе тусклым светом, который с каждым мгновением становится ярче. Предвкушая грядущий день, я набрасываю на обнаженные плечи шелковый халат и туго затягиваю пояс. Отправляюсь на кухню, крепко сжимая в руке мамин крестик.

Над горизонтом, навевая спокойствие, занимается заря, и сухой плоский ландшафт все больше напоминает картину, а река Колумбия изгибается небрежно брошенным на землю серпантинном. Сегодня понедельник. Скоро горожане проснутся и, закончив утренние сборы, превратят шоссе в медленно ползущую огненно-красную змею.

На каменной столешнице вибрирует телефон. Я не отвечаю – посижу еще немного, полюбуюсь на городскую панораму, наслаждаясь утренним кофе.

Так напугавшее меня прошлой ночью вторжение кажется сном, однако неотступная тревога не оставляет сомнений в его реальности. Я все еще чувствую на себе пронзительный взгляд тех глаз за окном в кабинете Роба. Мне вдруг мерещатся какие-то тени, и тишина пустого дома, которой я только что наслаждалась, начинает нервировать.

По длинной подъездной дорожке на новой машине плавно выезжает сосед. Между домами достаточно места для вечно-зеленой живой изгороди, но ее нет. Хорошо, что я настояла на оклеивании окон тонирующей пленкой. Теперь она спасает не только от любопытных взглядов, но и от утреннего солнца. В Дип-Ривер выживают лишь деревья, посаженные

человеком, и без дополнительного ухода они неспособны существовать в условиях местных суровых зим и беспощадного лета.

Скоро Роб вернется из спортзала и предложит принять с ним душ. Я не против.

На смартфон пришло очередное сообщение. Надо проверить: вдруг это Роб. Но это не Роб. Это сплетница Мелани, которая считает меня своей подругой. Знает все обо всех. Искренне верю, что ей подошла бы карьера сующего нос в грязное белье репортера желтой газеты. Впрочем, она также прекрасно вписывается в роль вечно недовольной домохозяйки. Прочитав начало: «Обалдеть! Видела новости?», открываю сообщение полностью. Моему вниманию предстает куча эмодзи и ссылка на сайт местной газеты. Заголовок над статьей гласит: «Еще одна женщина найдена мертвой. Местные жители опасаются за свою жизнь».

Я с самого начала наблюдаю за развитием этой истории. На мой взгляд, СМИ уделяют ей гораздо больше внимания, чем следует. Хотя для маленького Дип-Ривер это, пожалуй, и правда сенсация. Событие прочно заняло место рядом с заметками о непрекращающихся протестах.

Открыв статью, читаю скудные подробности, от которых мурашки идут по коже.

– Привет, любовь моя!

– Ты меня напугал, – говорю входящему на кухню Робу.

На нем спортивные шорты и футболка с символикой бла-

готворительного мероприятия, которое его компания провела в прошлом году.

– Прости, красавица. Что такая напряженная? – интересуется он, бросая ключи на место, где прежде лежал мой телефон.

– Пишут, еще одну женщину нашли мертвой, – отвечаю я, не отрывая глаз от интернет-статьи.

– Еще одну?

– Да. У полиции до сих пор никаких зацепок.

Я кладу смартфон и беру чашку с дымящимся ароматным кофе.

– Это настораживает. – В его голосе сквозит скука.

– Не то слово. – Наблюдаю, как Роб смешивает послетренировочный коктейль. После недавней силовой нагрузки в спортзале мышцы на его руках напряжены и хорошо очерчены.

– Ты знаешь, что такое фентанил?

– Конечно: сильное обезболивающее.

– А ты знал, что обе женщины умерли от него?

Он пропускает второй вопрос мимо ушей и продолжает отвечать на первый.

– ...очень опасный наркотик: в восемьдесят раз сильнее морфина, в сорок раз превосходит по действию героин.

– Ух ты! – восклицаю я, только чтобы потешить его эго. – Говорят, те женщины ничего не почувствовали. Это правда?

– Не исключено. Вероятнее всего, сначала наступила по-

теря сознания, а затем – полная остановка дыхания.

Я смотрю из огромного окна столовой на простирающийся внизу Дип-Ривер, на безлесые холмы, которые как-то умудряются менять цвет в разные времена года. Закрыв глаза и потирая обручальное кольцо кончиком большого пальца, пытаюсь представить механизм действия наркотика.

– Итак... они потеряли сознание... легкие перестали работать... остановилось сердце. В итоге – смерть мозга, – заключаю я, затем открываю глаза и вижу устремленный на меня взгляд мужа.

– Да, примерно через шесть минут мозг умирает, – подтверждает он, затем большим глотком допивает остатки коктейля.

– Не позавидуешь... – Все еще представляю себе действие препарата на организм.

– К чему столько вопросов, зая? Поверь, они умерли, не ведая тревог. – Он ставит пустую кружку в раковину, хотя посудомоечная машина в полуметре.

Затем целует меня в затылок, и я, улыбаясь, легонько его отталкиваю. Сжимает меня за плечи, но я лишь каменею от его прикосновения. Роб наклоняется и целует меня в щеку, ожидая, что я повернусь. Я продолжаю стоять спиной. Он поворачивает мой подбородок к своему, затем нежно целует в губы. Прервав поцелуй, с улыбкой предлагает:

– Пойдем в душ?

– Конечно.

Мы занимаемся любовью под струями воды, а перед уходом из дома Роб говорит, как ему повезло, что я с ним. Я смотрю, как мой красивый и успешный муж уезжает в новом серебристом «Ауди», а душу гложут уныние и тоска.

Проводив Роба, иду по коридору в залитую солнцем ванную и начинаю приготовления к тщательно спланированному дню. Включаю с телефона встроенный в зеркало телевизор. С удовольствием ступаю на белый мраморный пол с автоматическим подогревом. Включаю воду в душе и несколько минут жду, пока пойдет теплая, ощущая, как прохладный воздух трогает обнаженную кожу. Смывая с себя запах Роба, продолжаю размышлять об использованном убийцей наркотике и его действии.

Во время сушки и укладки волос мысленно пробегаю по списку сегодняшних дел: во-первых, закончить приготовления к благотворительному вечеру; во-вторых, сходить на встречу с представителями некоммерческой организации, помогающей местной бездомной молодежи.

Сигнал смартфона оповещает о том, что пришло сообщение на «Фейсбук». Вытерев о салфетку испачканные тональным кремом пальцы, открываю приложение и вижу рекламу предстоящего мероприятия. Возвращаюсь к новостной ленте и, перед тем как закрыть «Фейсбук», натыкаюсь на фото, от которого меркнет все вокруг... На снимке Роб сидит за покрытым белой скатертью столом на восемь персон. Рядом с ним фигуристая черноволосая красотка. Им весело –

он согнулся пополам от смеха, а она, склонившись к нему, держит свою наманикюренную коричневую руку на его бедре близко к паху и тоже смеется. Другим фамильярность ее прикосновения, должно быть, незаметна, но я легко читаю язык их тел, и от вида женщины, которая так свободно обращается с моим мужем, к лицу приливает кровь.

Подпись гласит, что на фото запечатлен корпоративный обед сотрудников компании «Анекса». За спиной Роба – море накрытых столов, за которыми люди наслаждаются непринужденным общением. Я пристально разглядываю незнакомку. Она отмечена на фото. Подступающая к горлу тошнота – верный признак того, что пора остановиться, но я не в силах совладать с всепоглощающим желанием узнать, кто она, и перехожу на ее профиль.

Гламурную красотку зовут Розы Франклин, и мне горько осознавать, насколько она роскошна. На фотографии сложилась ярко-красные губы бантиком и кокетливо подмигивает – такая подача наводит на размышления. На личной странице сказано, что она агент по недвижимости, а статус отношений гласит: «Все сложно».

Я нетерпеливо пролистываю фотографии, выставленные в общий доступ – знаю, не надо туда заглядывать, но плевать. Беспокойство переросло в гнев и отвращение. Я остервенело перехожу от одной фотографии к другой, жадно читаю каждую подпись, вскользь изучая всех, кто помечен.

Стоп! Снимок двухмесячной давности, сделанный в Ат-

ланте. Интуитивно понимаю, что фото мне знакомо... но чем? На красотке узкие облегающие джинсы и белый, подчеркивающий тонкую талию, трикотажный джемпер с глубоким V-образным вырезом. Черные кудрявые волосы свободно ниспадают на плечи. Она позирует напротив какой-то статуи и вновь подмигивает в камеру. В комментариях мужчины изливают восторг цифровыми сердечками, а подруги спрашивают, почему она отправилась в поездку в одиночестве. Роза отвечает им что-то неопределенное, обещая объяснить позже.

А мне и так ясно: в те же дни в Атланту ездил Роб.

От фотографии Розы, сделанной, скорее всего, моим мужем, меня отвлекают включившиеся на поверхности косметического зеркала местные новости. Не выпуская из рук смартфона, смотрю телевизионную трансляцию: посреди моря журналистов и операторов репортер берет интервью у молодой потрясающе красивой девушки-следователя. Она латиноамериканка, одета в серый просторный брючный костюм, призванный скрыть ее прекрасную миниатюрную фигуру. Черные волосы собраны в тугий низкий хвост до лопаток. Видно, что она всеми силами попыталась спрятать красоту, считающейся в сфере ее работы признаком слабости.

Репортер: «Вы полагаете, что преступление совершил один и тот же человек? И что убийца... среди нас?»

Следователь: «Расследование еще не закончено».

Репортер: «Эта женщина умерла так же, как предыдущая жертва?»

Следователь: «Да. Смерть наступила от передозировки фентанилом».

Репортер: «Есть ли признаки сексуального насилия?»

Следователь: «Это еще предстоит выяснить».

Репортер: «У полиции есть подозреваемые?»

Следователь: «Мы будем...»

Ее перебивает другой журналист, жаждущий, чтобы его наконец услышали. Следователь резко отворачивается от внимающих ей репортеров и с королевской грацией уплывает прочь от шумной толпы, плавно покачивая собранными в хвост блестящими волосами. Ей не с руки продолжать, если ее перебили. Это подкупает.

– А она молодец!

Вновь перевожу взгляд на подмигивающую мне с экрана смартфона Розы Франклин. Быстро выхожу из ее профиля, чищу историю «Фейсбука» и на всякий случай историю «Гугла» тоже.

Трансляция передает изображение пустой трибуны, где ранее стояла красавица-следователь, и ревушую толпу репортеров.

На экран выводят фотографию недавней жертвы: Брук Сэдлер. Типичная американская красотка: открытая добрая улыбка, идеальные зубы, ямочки на щеках, укороченный

топ и руки в бока на голой талии. В верхнем углу экрана отображается веб-сайт для пожертвований семье на погребение. Ведущая рассказывает о жертве: любимая дочь, сестра, прекрасный сотрудник, подающая надежды студентка, чья жизнь оборвалась в самом начале, и так далее, и тому подобное. «Анекса» – компания, где работала Брук – готова сделать довольно щедрое пожертвование.

Я бы предложила Робу заплатить ту же сумму для создания положительной репутации в глазах общества. Он точно принимал участие в одобрении таких значительных расходов. Почему же удивился, когда я сказала ему о смерти Брук? Внутри похолодело; кажется, меня сейчас стошнит.

Глава 3. Болеутоляющее

Мне всегда нравилось, что работа мужа связана с научной сферой. Со школьных лет обожаю науку. Просто удивительно, что ученые-микробиологи способны наблюдать жизнь, скрытую от невооруженного взгляда. Какое наслаждение – открывать для себя необычные органические соединения, устройство физико-химических систем и протекающих в них процессах, словно созданных по чьей-то точной задумке! Есть чем восхищаться.

Мы с Робом обедаем в его кабинете – все приготовлено шеф-поваром ресторана для сотрудников. Муж рассказывает об интересном проекте Фреда, директора по развитию в принадлежащей «Анексе» лаборатории «Тримбл». Прожевав, я улыбаюсь и обещаю к нему заглянуть.

На столе лежит местная газета «Дип-Ривер геральд»: на первой полосе женщина средних лет держит белую табличку с красно-синей надписью «Без правосудия нет мира». Позади – заполненный протестующими центр Дип-Ривер: горожане несут лозунги или грозят кулаками в сторону высокого правительственного здания. У них хватает причин для недовольства.

– Похоже, у полиции дел невпроворот.

Не отрывая взгляда от тарелки, Роб отвечает:

– Да уж. Гоняются за убийцами, а на улицах не протолк-

нуться от либералов. Чем табличками размахивать, лучше бы работу нашли, – усмехается он, отправляя в рот очередной кусок запеченного лосося. – Живут на правительственные подачки, ну и не высывались бы.

Сказанное с набитым ртом слово «подачки» звучит как «пачки».

Я не поправляю, однако мне любопытно, что он в который раз по-своему воспринял мои слова. Мы никогда не сходились во взглядах на политику, и я, конечно, не стала затевать очередные дебаты демократов против республиканцев, тем более в его кабинете.

Роб смотрит на часы.

– Зайка, у меня собрание в два.

Это намек: мне пора уходить. И не важно, что я не доела салат.

Собираю тарелки и отношу на стоящий в углу кабинета стол, где их заберет кто-то из сотрудников кухни.

– Приветствую, господа! Чем радуется погода в славном штате Айова? – Роб улыбается в монитор, пока ему отвечает разноголосый хор. Впрочем, коллеги тут же замолкают, передав слово кому-то одному.

Я подхожу забрать сумочку и вижу на экране, транслирующем видеоконференцию, сидящих за столом шестерых мужчин в костюмах. Они готовы ответить на вопросы Роба. Перед уходом посылаю мужу воздушный поцелуй, который остается незамеченным, и тихо прикрываю за собой дверь.

Как и собиралась, иду в расположенную в одном из корпусов «Анексы» лабораторию «Тримбл» навестить ее начальника, Фреда. Приложив пропуск Роба, прохожу через большую защитную дверь в кабинет, больше напоминающий не офис, а уютно обставленную комнату. Проходя мимо, гляжу на лица сотрудников, пристально изучающих что-то под микроскопами. Издалека замечаю Фреда: его темная кожа ярко выделяется на фоне белого халата и белоснежных стен. Подняв голову от бумаг, он видит меня, и лицо старика озаряет теплая всепонимающая улыбка.

– София! – Радостное приветствие летит через огромное помещение: сотрудники поворачивают головы в мою сторону.

Я широко улыбаюсь и, громко цокая шпильками, ускоряю шаг.

– Фред!

Кладу сумочку на стул и тянусь обнять доброго знакомого. Он отвечает взаимным объятием, уже не таким крепким, как прежде: возраст дает себя знать.

– София, чему обязан таким счастьем?

От Фреда пахнет старыми книгами. Он берет мои ладони в свои холодные, покрытые морщинами и пигментными пятнами руки.

– Роб упомянул, что вы работаете над чем-то потрясающим. Не смогла пройти мимо, вы же меня знаете, – застенчиво пожимаю плечами.

– В самом деле? Ах, вечно жадная до знаний, юная София!

Положив документы в лоток из серебряной проволоки с надписью «Испытание С-М110508», он зовет меня за собой.

– Вся эта шумиха на улицах напоминает шестидесятые! – шаркая впереди, рассуждает Фред о протестующих в центре города. – Знаю, ты обиделась, что я не посвятил тебя в прошлый проект, но подвергать тебя воздействию патогенов я никак не мог. Зато этот, – он светится восторгом и потрясает указательным пальцем в воздухе, – этот тебе точно понравится, моя любопытная София.

Фред останавливается возле рабочего места, где три сотрудника, оживленно что-то обсуждая, нависли над стоящим в перчаточной камере микроскопом. Они дружно поднимают головы, приветствуя Фреда, но в мою сторону даже не глядят. Интересно, знают ли они, что я – жена главного босса? Впрочем, им, наверное, все равно. Я заметила, что ученые из компаний Роба мало уважают таких, как я: мол, не «заработала» положение в обществе интеллектуальными заслугами.

– Вы позволите? – спрашивает Фред подчиненных, которые тут же разбредаются по лаборатории, оставляя перчаточную камеру в распоряжение шефа. – Это, дорогая София, один из наших самых интересных проектов! – Его выцветшие карие глаза под толстыми стеклами очков светятся восторгом.

Фред уже давно на пенсии, но обожает работу, и ему нра-

вится преподавать. А уж Роб своего не упустит: продержит Фреда до последнего, выжав из его интеллекта кучу денег. Мой муж – гений в том, как нанять сотрудников гораздо умнее себя и дать им должности, на которых они максимально проявят свои таланты.

Фред надевает перчатки и защитные очки поверх обычных. Затем вставляет руки в толстые рукава-перчатки камеры. Осторожно убирает стоящую под микроскопом чашку Петри⁴ и помещает на ее место другую. Чуть трясущимися руками отмеряет белый порошок и ловко высыпает в чашку.

Повинуясь его жесту, подхожу к микроскопу и принимаю протянутые мне очки и перчатки.

– И что же это?

Фред берет с металлического подноса перчаточной камеры заполненный прозрачной жидкостью шприц.

– Сильнодействующее соединение. Эффект воздействия аналогичен морфину. Связывается с белком плазмы. – Облизав губы, он прижимается защитными очками к окулярам микроскопа.

– Что вы с ним делаете? – вновь спрашиваю я, наклоняясь ближе и натягивая вторую перчатку.

– Ищем идеальное значение pH, при котором эта промежуточная модификация фентанила попадет точно в центральную нервную систему. – Не отвлекаясь от микроскопа,

⁴ Чашка Петри – прозрачный лабораторный сосуд, применяется в микробиологии и химии.

Фред поворачивает ко мне голову и предлагает, заранее зная ответ: – Юная леди желает взглянуть?

Я охотно киваю и расплываюсь в улыбке.

– А зачем менять лекарство, если оно и так действует?

– Как болеутоляющее оно служит безотказно, однако мы пытаемся направить его на купирование определенных болевых синдромов.

Надеваю защитные очки и наклоняюсь над микроскопом, сцепив руки за спиной. Фред регулирует ручку настройки.

– Ух ты! – С любопытством маленькой девочки слежу за разворачивающимся представлением: Фред капает немного жидкости из шприца на порошок, и материя меняется у меня на глазах.

– София?

Оторвавшись от микроскопа, встречаю его вопросительный взгляд.

– Я слышал, последнее время в городе стало беспокойно... Ты ведь понимаешь, что надо быть осторожной?

– Вы про убийства в Дип-Ривер?

– Да.

– Я не лезу на рожон. Вы же меня знаете. – Снимаю очки и аккуратно кладу на твердую металлическую столешницу.

– Знаю-знаю. И твое неумное любопытство ко всему новому тоже знаю. – Мы улыбаемся друг другу. – Ты любила учиться, когда приходила сюда вместе с Бенджамином, прежде чем тот... ушел. Впитывала новые знания как губ-

ка! – Фред хихикает, умиляясь простоте выражения.

Улыбка не сходит с моего лица, однако сердце бьется чаще при упоминании Бенджамина Бута. Вспоминаю, как млела от его прикосновений, какие нежности он шептал мне на ухо, вспоминаю его ласковую улыбку, чем-то похожую на улыбку моего мужа... Впрочем, радостные воспоминания тут же сменяет печаль, быстро заполняя возникшую в душе пустоту.

Мы с Беном провели в стенах лаборатории немало времени, наблюдая за научными экспериментами. Он учил меня с огромным терпением и удовольствием, я отвечала взаимным интересом. Эта комната хранила «нашу» тайну: никто не знал, кем мы приходились друг другу. Я – назойливая жена босса, Бен – директор по развитию, который, как Фред сейчас, проявлял ко мне доброту и хорошее отношение.

Фред убирает в сторону чашку Петри, на содержимое которой мы только что смотрели, и достает еще одну, со свежим белым порошком.

– Это – цитрат фентанила. Но не простой, а наш собственный.

Он помещает препарат под объектив микроскопа.

– Что значит «ваш»?

– Мы включили в его состав специальный маркер.

Он бормочет что-то себе под нос, аккуратно поворачивая винты фокусировки.

Вновь надеваю защитные очки и склоняюсь над микро-

скопом: капля жидкости стекает на порошок, и на моих глазах рождается совершенно новое соединение.

– Ну надо же! – Я в восхищении.

Оторвавшись от созерцания научного чуда, наталкиваюсь на тревожный взгляд Фреда.

– Что такое?

Медленно сняв перчатки и защитные очки, он объясняет:

– Видишь ли, из лаборатории пропал пузырек этого вещества. Совсем крохотный, меньше тюбика помады. Я боялся, что он попал в руки конкурентов. В лаборатории с этим строго. – Фред откашлялся. – Сразу пошел к Роберту. Рассказал ему; думал, пусть он разберется на свое усмотрение. По протоколу я не должен сообщать непосредственно ему, но после инцидента с Бенджамином заподозрил шпионаж... а теперь...

Он замолкает, виновато потупив голову.

– Что такое? – Я подхожу к нему и кладу руку на плечо.

– Даже в небольшом количестве оно причиняет непоправимый вред, София! – Глаза Фреда полны тревоги. – Фентанил сам по себе – штука мощная: крупица способна убить. Однако эта модификация, мое детище...

– Вас беспокоит, что пропавшее лекарство могло стать орудием убийства?

Тут же в голову приходит мысль, а не причастен ли к исчезновению наркотика Роб? А сам Фред? Мы с Робом обсуждали действие фентанила. Ему известно, что им отрави-

ли обеих женщин.

– Украл совсем немного, но я заметил пропажу.

В идеально организованной лаборатории Фреда все под присмотром.

– По словам Роба, умершие от фентанила жертвы ничего не почувствовали. Это правда?

– Так оно и есть, – отвечает он, поглаживая рукой мою ладонь. – Препарат связывается с опиоидными рецепторами за доли секунды! – Фред мигом переходит на понятный мне язык. – Видишь ли, мгновенно придя в готовность, рецепторы подавляют способность организма регулировать элементарные процессы – например, дыхание. Однако самое опасное свойство препарата – практически мгновенное преодоление гематоэнцефалического барьера. Побочных эффектов хватает и при должном использовании, но боже упаси от передозировки – они нарастают как снежный ком, и организм не справляется.

– Значит, смерть наступает оттого, что перестают работать легкие?

– Именно так. Почти сразу возникает головокружение, дезориентация, человек теряет сознание, после чего следует остановка дыхания, что, в свою очередь, мешает нормальной работе остальных жизненно важных органов.

– За какое время человек умирает?

– Зависит от способа введения и количества. Хватит капли на языке, и через минуту передозировка обеспечена. При

попадании на кожу смерть наступит за считанные минуты.

– А можно ли найти следы фентанила в крови убитого человека?

– В крови – маловероятно, а вот в жидкости, при помощи которой вещество попало в организм, оно точно останется.

Глава 4. Спасение с доставкой на дом

Я еду к дому, выкруливаю на извилистую подъездную дорожку и вижу перед нашим гаражом темно-синий «Форд Фокус», чьи тонированные стекла идеально сочетаются с черными дисками. Слепящее солнце мешает рассмотреть стоящих возле машины незнакомцев. Заметны лишь два силуэта: прислонившаяся к капоту миниатюрная фигурка со скрещенными на груди руками и стоящий прямо, словно кол проглотил, громила. Открыв гараж с пульта, опускаю солнцезащитный козырек и различаю знакомое лицо. Это же латиноамериканка с телевидения! Следовательно по уголовным делам, что давала интервью.

В животе екает, словно меня поймали на превышении скорости. Въезжаю в гараж и выхожу из машины. Следовательно встречает меня у входа.

– Вы что-то хотели? – спрашиваю я.

– София Клэр? – задает она встречный вопрос.

Голос резче, чем по телевидению, а сама красивее, чем на экране. В длинных, мешковатых брюках серого цвета она выглядит беззащитной. Ее лицо неравномерно испещрено крошечными шрамами телесного цвета, которые, впрочем, не лишают ее шарма.

– Да, это я.

– Ваш муж – Роберт Чарльз Клэр? – Она сдвигает солнцезащитные очки на волосы.

Я подтверждаю.

– Мы из полицейского управления Дип-Ривер. Я следователь по уголовным делам Круз. – Она с гордостью демонстрирует значок. – А это следователь Валлетта. – Кивает в сторону здоровяка, все еще стоящего рядом с автомобилем. – Хотим задать несколько вопросов.

– Каких вопросов? С мужем что-то случилось? – У меня подкашиваются ноги.

– Я так не думаю. Мы пришли просто поговорить.

Этот ответ меня не успокаивает.

– Вы по поводу ночного проникновения?

– Нет, об этом я ничего не знаю. Мы ненадолго, у нас лишь пара вопросов.

Закусив нижнюю губу, женщина ждет ответа.

– Да, конечно. Подходите к двери, я открою изнутри.

Круз кивает и выходит из гаража на лужайку. Пока дверь опускается, вижу, как она делает сигнал здоровяку и тот следует за ней. Торопливо цокая каблуками, прохожу по дому к входной двери.

– Прошу, входите! – Во мне проснулась гостеприимная хозяйка.

– Спасибо.

Предлагаю гостям напитки, но оба отказываются.

Мы заходим в гостиную, из окна которой открывается вид на огороженный сад и окрестности Дип-Ривер. Растущие во дворе небольшие деревья стоят почти голые: зеленый газон усеян их влажными золотисто-желтыми, коричневыми и ярко-красными листьями. Наш дом расположен на возвышенности, и окрестности видны как на ладони, что дает прекрасную возможность насладиться осенними красотами.

Следователь Круз садится на самый длинный диван в комнате и достает из кармана небольшой блокнот и ручку. Валлетта, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, встанет рядом. Короткие рукава рубашки туго натянулись на мощных бицепсах. Оглядев комнату, он останавливает на мне тяжелый взгляд.

Сажусь рядом с латиноамериканкой и кладу ногу на ногу. Места хватает, но я отодвигаюсь чуть дальше, нервно сглаживаю и поправляю застежку на цепочке с маминым крестиком.

– Чем могу помочь?

Старинные напольные двухметровые часы в коридоре отбивают четыре. Их перезвон эхом отражается от стен гостиной. Мы обе терпеливо ждем, когда раздастся последний удар.

– Как уже сказала, я следователь...

– Я знаю, кто вы. Видела интервью по телевизору.

– Значит, вам известно, что я веду расследование убийств в Дип-Ривер?

Я киваю, вежливо улыбаясь, и нервно дергаю обручальное кольцо: под давлением большого пальца металл больно вонзается в кожу.

— У нас есть основания полагать, что... — Она умолкает и, чуть прикусив губу, задумчиво смотрит на меня. — Миссис Клэр, принять такое непросто, но мы располагаем данными о том, что ваш муж состоял в любовной связи с убитыми женщинами.

Все вокруг меркнет. Снова эта боль. Каждый раз пронзает сердце с той же силой. Опускаю голову, меня трясет, к горлу подкатывает тошнота, в груди жжение.

— Миссис Клэр? — Поднимаю голову и выдавливаю улыбку. — Понимаю, вам нелегко...

— Понимаете? — бросаюсь я в атаку без предупреждения. — Вам хоть однажды разбивал сердце любимый мужчина? — Мой голос дрожит, я вот-вот расплачусь.

— Нет. — Она опускает взгляд на свои ладони. На ее пальцах нет обручального кольца.

— Вы не замужем?

Следователь качает головой.

— Значит, вы меня не поймете.

— Замужество не для меня. Но могу представить ваше состояние и посочувствовать.

Повинуясь маминым наказам («Истинная красота богоугодного христианина в смирении, дочка»), натягиваю на лицо очередную вежливую улыбку.

Круз поправляет лацканы пиджака и откашливается. Сейчас она непохожа на бравую воительницу, которой казалась по телевизору. Деликатно подбирает слова, сочувствует, что-то говорит, вертя в руках блокнот, смотрит внимательно карими глазами...

Следователь Валлетта по-прежнему не спускает с меня глаз. Наши взгляды встречаются. До меня долетают слова:

– ...понимаете? Где был ваш муж в ночь на восемнадцатое? Напоминающий его по описанию человек покинул квартиру Брук Сэдлер в то же время и уехал на похожей серебристой «Ауди».

Перевожу взгляд с лица громилы на изящное личико его напарницы. Она смотрит на мои губы, затем на лежащие на коленях руки. Подсаживается ближе и слегка дотрагивается прохладной ладонью до моего запястья.

– Миссис Клэр?

Ее прикосновение выводит меня из оцепенения. Глубоко вздохнув, отвечаю:

– Я не знаю, где он был... То есть мне известно, куда он пошел, но где был на самом деле, не знаю. – Я говорю как есть. Муж сказал, что работал, но где гарантии? Он и раньше заявлялся домой под утро, неся с собой запахи другой женщины и чужих духов. – Почему бы вам не спросить об этом у него?

– По совету адвокатов на некоторые наши вопросы он не отвечает, – поясняет Круз. – А теперь расскажите о ночном

проникновении, которое вы упомянули.

– Прошу прощения, – бормочет здоровяк, отходя подальше, чтобы ответить на телефонный звонок. Закрыв широкими плечами довольно внушительный дверной проем гостиной, он хриплым голосом бойко разговаривает с кем-то на итальянском.

Я рассказываю о ночном происшествии, уточнив, что не опознала человека, проникшего на участок.

– Мне следует позвонить адвокату?

– Это на ваше усмотрение, но вас ни в чем не обвиняют. Вам известно, что последняя жертва работала в компании вашего мужа?

– Да, – и тут же добавляю: – Видела по телевизору.

– Ваш муж состоял в любовной связи с обеими жертвами. У нас есть основания полагать, что он был последним, кого видели убитые. А знаете ли вы, что Брук Сэдлер подала иск на вашего мужа и его компанию, и дело урегулировали, не доводя до суда?

Сглотнув подкативший к горлу ком, мотаю головой. Кружит что-то в телефоне и протягивает его мне. Сквозь выступившую на глаза пелену слез смотрю на фотографию Брук Сэдлер: она сдвинула рукой назад копну шелковистых каштановых волос, демонстрируя темные кровоподтеки от пальцев на правой стороне шеи. На следующем снимке видна опухшая губа девушки с засохшей в уголке рта кровью.

– Она утверждала, что Роберт причинил ей эти увечья три

года назад. В своем кабинете. – Латиноамериканка перелистывает еще несколько фотографий, где видны более крупные синяки в форме больших отпечатков пальцев.

Я закрываю лицо руками.

– Брук скрывала свое обращение в суд даже от родных. Ее адвокат утверждает, что, несмотря на стеснение, она чувствовала себя обязанной продолжать судебное разбирательство после того, как их отношения закончились физическим насилием.

– Отношения... – невольно вырывается из моих уст.

Я первый раз думаю о том, что его интрижки на стороне могли включать нечто большее, чем секс. Интересно, они рассказывали друг другу, как провели день? Ходили вместе обедать? Покупал ли он ей подарки? Признавался в любви?

Я буквально раздавлена словом «отношения».

– Это еще не все. – Круз явно чувствует себя виноватой в том, что усугубляет мое и без того подавленное состояние.

Я вдыхаю полной грудью, отвожу плечи назад и поднимаю голову. Наши взгляды встречаются. Ее сострадание обволакивает меня, словно теплое покрывало.

– Мне жаль, – она качает головой, – но муж Меган Колдуэлл – первой жертвы – показал, что Роберт провел с ней ночь перед убийством. Их роман длился полгода до ее смерти.

Эти слова бьют меня в живот наотмашь, как сжатый кулак: я сгибаюсь пополам и обхватываю колени мокрыми от пота ладонями. Лучше бы меня и правда избили, чем слышать

такое.

– Вот, – шепчет Круз, протягивая визитку. – Звоните в любое время: днем или ночью – я приеду через десять минут.

Голова кругом. Зареванная, с трудом протягиваю руку за карточкой. Наши пальцы соприкасаются: мы замираем на мгновение, я медленно провожу указательным пальцем по нежной смуглой коже. Она и я смотрим в одну точку – место, где наши руки соединились.

Потрясение от услышанного исчезает, как туман под теплым солнцем, и в комнате наступает звенящая тишина.

Слезы высыхают, и моя уязвимость превращается во что-то еще. Я очарована этой женщиной и чувствую взаимность. Она вновь оглядывает мои мокрые от слез губы, затем медленно поднимает взгляд, и мы смотрим друг на друга. В карих глазах видны красноватые отсветы от падающих солнечных лучей.

Входная дверь распахивается, следовательно поспешно убирает руку. В гостиную, опустив голову, с телефоном в огромной ладони входит Валлетта.

– Нам пора.

Она резко встает.

– Ну что ж, моя визитка у вас есть. Мы всегда на связи.

Это «мы» помещает между нами ее угрюмого напарника и устраняет любой намек на возникшую было близость. Сделав шаг по направлению к выходу, девушка внезапно останавливается и смотрит на Трентона, будто собирается ему

что-то сказать, однако тут же поворачивается и, глядя мне в глаза, серьезно заявляет:

– София, мы считаем, что Роб опасен. Будьте осторожны!

Я киваю. Валлетта не спускает глаз с коллеги.

– Я провожу. – Ко мне вернулось спокойствие.

Встаю с дивана и, цокая шпильками в тишине пустого дома, провожаю гостей до входной двери. Стоя на пороге, наблюдаю, как они идут к машине. Валлетта склонил голову к идущей рядом напарнице. Он явно чем-то обеспокоен. Они садятся в машину с противоположных сторон.

Заперев дверь, прислоняюсь к ней спиной. По лицу расплывается блаженная улыбка. Тело охвачено желанием. Чтобы охладить пыл, я опускаю руку на живот, в котором порхают бабочки, а пальцами другой ладони трогаю губы, наслаждаясь тем, что в моей власти. Как же мне этого не хватало! Наслаждение заглушает боль, причиненную похождениями Роба.

Глава 5. Старые привычки

Я сижу за покрытым коричневой бумагой столиком в углу ресторана. Передо мной заразительно хохочет раскрасневшаяся от вина Ребекка. Моя лучшая подруга. Она – тот недостающий кусочек пазла, после нахождения которого все встает на места. У Ребекки всегда наготове какая-нибудь смешная история из жизни.

Допиваю водку с клюквенным соком и еле сдерживаюсь, чтобы не поморщиться: слишком много водки!

– Еще по одной! – заслышав звон льда на дне моего стакана, визжит Мелани.

– Нет, не могу: завтра рано вставать, – отнекиваюсь я.

– Помогаешь Робу? Я слышала, в «Анексе» полно дел? – Ребекка вся внимание: жаждет узнать свежие сплетни о выходе компании на международный рынок.

Я качаю головой, смущенно улыбаясь. От необходимости что-то отвечать спасает возвратившийся с моей кредиткой официант. Мелани бросает понимающий взгляд: я намеренно уклонилась от вопроса Ребекки.

Какая-то женщина, выходя из ресторана, машет нам рукой. Ребекка машет незнакомке в ответ.

– Ты знаешь Кэтрин? – Мелани смотрит на Ребекку с осуждением.

– И что такого? Она знакома с моей племянницей. Заме-

тили ее вульгарные туфли «Валентино» на ремешках?

– С заклепками, да еще и красные, – добавляет Мелани, с отвращением приподняв верхнюю губу.

– Недаром говорят: вкус не купишь, – выносит окончательный вердикт Ребекка.

Я не принимаю участия в разговоре. Дождь за окном закончился, однако ветер продолжает гонять по мокрой парковке опавшие красно-коричневые листья. Вспоминаю недавний сон, в котором я прогуливалась по крыше в ночной рубашке.

Наклонившись над столом, насколько позволяет ее обширный бюст, Мелани шепчет:

– А что скажете про убийства? Жуть, правда?

– Да уж! И убийцу до сих пор не поймали? Я, конечно, понимаю, что протесты отнимают у полиции все силы, но надо же что-то делать! – громко возмущается Ребекка.

Мелани вдруг обращается ко мне:

– Что там у Роба с... как ее звали? Ну, с этой сотрудницей?

– Брук Сэдлер, – отвечаю я лишь на одну часть вопроса.

– Знаете, мне страшно. Я, как ненормальная, проверяю перед сном замки на окнах и дверях, – говорит Ребекка.

Она живет одна. В прошлом была замужем за известным адвокатом. Их брак не продержался и года, однако это не мешает ей рассуждать о супружеских делах с помпой бывшего ветерана. Если честно, я начинаю ее понимать.

По-прежнему медитирую на кружащиеся за окном листья.

Ребекка и Мелани обсуждают убийства и забастовки. Им страшно, прежде всего за себя. Кому понадобилось убивать успешных и состоятельных женщин?

– Мне кажется, преступник хочет славы: его найдут и упекут в изолятор, и об этом узнают все, разве нет? – Неуемная Ребекка отпивает из бокала и наконец затыкается.

Я перевожу взгляд с мокрой стоянки на подругу.

– В тюрьму, не в изолятор.

– Чего? – икнув, спрашивает Ребекка, возя влажный стакан по накрытому бумагой столу.

– Я имела в виду, что убийц не сажают в изолятор, они попадают в тюрьму... Не важно.

– Ой, посмотрите, София у нас прямо эксперт по преступлениям! – Ребекка размахивает руками, звеня браслетами.

Взглянув на Мелани, потом на меня, она берет в руку невидимый микрофон и, перегнувшись через стол, направляет его мне в лицо.

– София Клэр! Насколько нам известно, одна из убитых женщин работала в компании вашего мужа. Вы могли бы прокомментировать эту информацию?

– Ребекка, это уже не смешно. Необязательно устраивать балаган!

Она плюхается на скрипучий кожаный диван и, поправляя сбившуюся блузку, извиняется:

– Ну прости, подруга, я не со зла! Похоже, мир катится к чертям, мне страшно, вот я и пытаюсь хохмить, понимаешь?

Мелани уткнулась в телефон и делает вид, что не замечает, как мы чуть не поцапались. Однако ссора утихает, так и не начавшись. Оглядев полупустой ресторан, вежливо предлагаю пойти по домам.

Понимаю, что ни для кого не секрет, где работала Брук, и все же Ребекка могла бы задать вопрос потактичнее. Интересно, ждут ли остальные, что Роб выскажется об убийстве Брук? Вспоминаю разговор со следователем Круз, и на душе кошки скребут от того, что муж спал со всеми убитыми женщинами. Меня мутит при мысли о том, как наш брак препарируют под микроскопом.

Мы уже собираемся уходить. Беру сумочку со стула; внутри вибрирует телефон.

– Девочки, я еще задержусь, – показываю им смартфон с входящим от Роба.

Подруги машут на прощание, шлют воздушные поцелуи. Сажусь обратно за наш столик и смахиваю зеленую трубку на экране. Какое оправдание на этот раз придумал мой муженек? Помешивая тающий в стакане лед, выслушиваю ласковое «Не жди меня, зая, буду поздно». Объяснений не прилагается...

– Это вам от гостя в баре, – говорит подошедший официант, ставя передо мной еще одну водку с клюквенным соком.

Бросив телефон в сумочку, выглядываю из кабинки: у бара сидит красивый мужчина в сшитом на заказ черном костюме. Он направляется в мою сторону. Черные кожаные

туфли поблескивают в бликах приглушенных огней ресторана. На лице заметная щетина. Вместо улыбки он залихватски подмигивает.

– Можно к вам? – Его зеленые глаза искрятся радостью.

– Лучше не надо, – слабо возражаю я.

Он игнорирует мою просьбу, пролезает в кабинку и садится напротив: огромный стол на четверых кажется невероятно маленьким.

– Ну привет. – Пригладив рукой густую каштановую шевелюру, заносчивый тип продолжает с нагловатой улыбочкой: – Такая красавица, и одна...

– Подруги только что ушли. Уверена, ты это прекрасно видел, не так ли?

Его лицо вспыхивает ухмылкой, которая меня заводит.

– Ладно, поймала. Видел, как ты ужинала с подругами.

В воздухе повисает неловкая тишина.

– Мне пора.

– Не уходи! – Он крепко сжимает мою руку, ровно настолько, чтобы удержать, но при этом я могу высвободиться, если захочу.

– Бен, мне правда пора.

– Я скучаю по тебе, София. Прошу, присядь. Поговорим, и пойдешь. – Он выпускает мою руку, но глаза умоляют остаться.

Я сдаюсь. Никогда не могла устоять перед Бенджамином Бутом. Умен, слегка самодоволен и чертовски обаятелен.

Всегда знает, чего хочет, и пойдет на все, чтобы добиться своего.

Благодаря нашему роману, я поняла, что значит быть единственной. Бен обожает мое тело. Кроме меня, для него никого не существовало, чего не скажешь о Робе.

Бенджамин Бут – превосходный любовник. Мы идеально подходим друг другу.

Я рассталась с Беном из-за чувства вины. Несмотря на то что Роб продолжал изменять, для меня брачные клятвы значили многое. Не скрою, на какое-то время они утратили значимость, однако мне напомнили, что я должна почитать мужа и блюсти данные перед Богом обеты.

Роман с Беном – единственное, что я себе позволила. Мы познакомились, когда он работал директором по развитию в лаборатории «Тримбл». Он взбудоражил меня с первых мгновений. До встречи с ним я даже не осознавала, насколько жалкую влачила жизнь. С ним я обрела подобие счастья. Он стал моей отдушиной.

После нашего расставания Бен как с цепи сорвался. Никогда не мог смириться с тем, что я ушла. Это сказывалось на работе – он все чаще выходил из себя, пока наконец его не уволили.

– Выглядишь прекрасно, – Бен тянется через стол и кладет огромную горячую ладонь мне на руку.

Ах, как вспомню, что когда-то хотела его до ломоты в коленях!..

– Бен, не надо. – Вытаскиваю руку из-под его ладони и трогаю мамин крестик.

Как же Бен похож на Роба! Почти одно лицо.

– Это ты проник в наш дом прошлой ночью?

Он не отвечает на вопрос и, перегнувшись через стол, проникновенно говорит:

– Ты ведь скучаешь по мне. Я знаю каждую родинку на твоём теле...

Вскочив как ошпаренная, тороплюсь к выходу, не чувствуя под собой ног.

Бен идет за мной, хватая за руку, но я вырываюсь, продолжая уверенно шагать к машине, гулко цокая каблучками по огромной полупустой стоянке. Разбушевавшийся ветер треплет волосы и угрожает задрать юбку. Вдалеке от света фонарей рядом с моей машиной припаркована серебристая «Ауди» Бена.

– София! – Бен догоняет меня и прижимает к мокрой водительской дверце.

– Что тебе?

– Я же знаю, что ты скучаешь! Знаю, что думаешь обо мне!

Он пытается меня поцеловать, но я резко отворачиваюсь. Бен продолжает приставать: прижимает к машине и обнимает.

– Я скучаю по твоим прикосновениям, милая, – шепчет он, тесно прижавшись ко мне и не давая сдвинуться с места. – Помнишь, ты трогала меня между ног прямо под сто-

лом, на публике, и шептала, чего хочешь? – Бен прикрывает глаза, предавшись воспоминаниям. – Просила о таком, что я только и думал, в каком бы углу зажать тебя поскорее...

– Бен, отстань! – Я корчусь под натиском его тела, скользкая ткань юбки поднимается до бедер.

Он прижимает свой лоб к моему.

– Тебе нравится, когда трогают здесь. – Водит пальцами по внутренней стороне моего запястья и горячо дышит в ухо. – Но больше всего ты любишь это! – Задирает юбку еще выше и насильно целует меня в губы. – Я все время думаю о тебе, София! Вспоминаю, как прижимал тебя к стене, протягивал руку, чтобы снять белье, а его уже не было, и пальцы встречали увлажненную плоть, потому что ты хотела меня... Помнишь, как я ласкал тебя до тех пор, пока ты не начинала молить о пощаде?

Прерывистое дыхание обжигает лицо, Бен просовывает руку в мои кружевные стринги.

– Я скучаю по тебе, София. Скучаю по твоему запаху, по голосу, тому, какая ты...

Прикусив мочку уха, он вынимает палец из моего лона и облизывает его.

Ну все, с меня хватит. Здесь командую я! Вывернувшись из объятий, пинаю наглеца коленом в пах.

– Пошел ты!

Быстро сажусь в машину, запираюсь и, выруливая со стоянки, серьезно подумываю: «А не переехать ли паршивца?»

В боковое зеркало видно, как Бен плюхается на водительское сиденье своей машины. Гнев отступает, и мне стыдно, что я так жестоко отшила его в прошлом. Бенджамин Бут любил меня как никто другой. Но страсть поглотила его настолько, что он стал почти невменяем.

Он жил только мной. Если мы не виделись, он мысленно вождедел меня. Если проводили время вместе – в лепешку расшибался, чтобы я понимала, *что* значу для него. Высшим наслаждением и наградой ему служили моя улыбка, смех и стоны.

Сегодня вечером стало ясно, насколько его неумная страсть потеряла всякий смысл. Бен искренне считает, что я ему нужна. После того как Роб его уволил, он окончательно уверовал, что, заполучив меня, все исправит и обретет счастье. Я так не думаю, но не сомневаюсь в его убежденности. В конце концов любовь к женщине становится слабым местом любого мужчины.

Подъехав к дому, вижу, что во всех комнатах горит свет, хотя Роб уже уехал. Кладу сумочку на туалетный столик, осторожно складывая цепочки-ручки, снимаю туфли и ставлю на место в гардеробной. Раздевшись, встаю на холодный поддон просторной душевой кабины и поворачиваю блестящий хромированный рычажок. Озябшую от осеннего воздуха кожу жалят горячие струи.

Вода скользит по плечам и вниз. Я откидываю голову и закрываю глаза.

Прокручиваю в мозгу сегодняшнюю стычку: ох уж этот Бен! То, что он начинает вести себя как безумец, – полбеда. Меня беспокоит другое: вдруг он разболтает о нашем романе мужу?

Интересно, как Робу удастся держать своих любовниц в узде?

Талант, не иначе.

Глава 6. Как я стала «миссис Клэр»

Когда мы познакомились, Роб произнес мое имя дважды. Из его уст оно прозвучало так, словно он заранее понял мое тело и душу. Между нами промелькнула искра. Роб пожал мне руку, сверкнул шикарной улыбкой – и я пропала. Сразу поняла: мы созданы друг для друга. В то время он с кем-то встречался, и я тоже, но мы оба это поняли, едва соприкоснувшись, и позже, занимаясь любовью.

Наша первая встреча произошла в центре Сиэтла на благотворительном мероприятии по сбору средств в пользу детской больницы. В зале, где проходила вечеринка в стиле Хеллоуина, яблоку негде было упасть от танцующих в шикарных дорогих одеждах мужчин и женщин. Я пришла со своим парнем, одетым в нелепый костюм Уолли⁵: не по размеру длинная красно-белая полосатая рубашка, шапка в такую же полоску с белым помпоном и возмутительно узкие джинсы. Задыхаясь в обтягивающем кожаном костюме Женщины-кошки, я стояла рядом со своим спутником, изучая выставленный на аукцион предмет. Парень пошел за выпивкой, даже не спросив, что я хочу. Глядя вслед по-дурацки наряженному другу, я заметила одетого викингм Робом. Исходящая от его взгляда энергия обдала меня словно волна прибоя, про-

⁵ Главный герой цикла детских книг «Где Уолли?», созданного британским художником М. Хендфордом.

катившаяся с другого края танцпола.

Мы шли по противоположным сторонам океана танцующих, а мне казалось, что я плыву ему навстречу. Оказавшись лицом к лицу, мы не сказали ни слова. Время застыло, пока мы пристально глядели друг на друга. Я не могла оторвать глаз от его наполовину скрытого темной бородой красивого лица, освещенного льющимися из высоких окон зала городскими огнями.

Как ни банально звучит, мы буквально поняли друг друга без слов. Меня еще никогда не тянуло к кому-то с такой силой. Все вокруг померкло. Сначала улыбнулась я, последовала ответная улыбка. Он протянул руку и назвал свое имя, выговаривая его с изысканным британским акцентом.

Теперь понимаю, что значит выражение «если это твое, ты сразу поймешь».

Всю следующую неделю он присылал мне на работу по букету роз. Каждый день четыре дюжины: менялся лишь цвет, при этом не было сомнений в их превосходном качестве. В офисе витал аромат чудесного лета. Казалось, все на работе знали положение дарителя. Кроме меня. Всякий раз, когда вносили очередной букет от генерального директора «Анексы», женщины трепетали от волнения и умоляли прочесть прикрепленную к цветам открытку.

В понедельник принесли красные розы, на открытке было написано: «Когда мы увидимся?»

Во вторник розы были розовые, а открытка гласила: «По-

ужинаем в пятницу?»

В среду – белые, и лишь: «Еще один день прошел впустую».

В четверг он прислал чайные розы и написал: «Я все время думаю о тебе».

В пятницу я получила букет фиолетовых роз без открытки и запечатанный конверт с его инициалами, обозначенными водяными знаками на лицевой стороне.

Мне так не терпелось узнать содержание, что я выгнала всех из кабинета и, разорвав конверт, впопыхах вытащила исписанный жирным шрифтом лист бумаги. Боже, он не поленился написать письмо!

В шапке стояли его инициалы, а дальше он приветствовал меня как «мисс Софию Кейс».

По фразам вроде «само время остановилось ради нас», я поняла, что Роб чувствовал то же, что и я. Он писал, как его тянет ко мне со страшной силой, и, если ему придется отступить, он все равно меня не забудет. В конце письма Роб указал день и час, в который будет ждать в аэропорту Дип-Ривер, и, если я не появлюсь, оставит меня в покое.

Трепет, который я ощутила во время нашей первой встречи, усиливался с каждым днем. Я вставала по утрам с мыслями о нем. С нетерпением ждала доставку нового букета. После прочтения письма улыбалась как блаженная, а в животе у меня порхали бабочки... Я решила поехать в аэропорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.